

ВЕРА МЮРКХЕЙН (Таллин)

«ДЕЦКИ ДЕТИ ...»

Изучение внутренних изменений, происходящих в диалектных системах контактирующих языков, важно для решения общетеоретических вопросов языкознания. В частности, отдельные сдвиги в грамматическом строе, в лексико-семантической системе взаимодействующих языков могут не только указывать на степень проницаемости соответствующих уровней системы, но и раскрывать сам механизм двуязычия.

В данной статье на материале одного из русских говоров Эстонской ССР автор делает попытку проанализировать природу новообразований, возникших под влиянием эстонского языка в группе именных словосочетаний, обозначающих семейно-родственные отношения.

Русское старожильческое население села Мехикоорма (а также прилегающих хуторов и деревень), расположенного в юго-восточной части Тартуского района, в течение ряда столетий находится в тесном контакте с коренным эстонским населением и пользуется эстонским языком наравне с русским во всех сферах общения.

Одна из особенностей лексико-семантической системы русского говора — сосуществование разноязычных по происхождению лексических единиц для выражения родственных отношений. Носители говора, называя лица по семейно-родственному признаку, употребляют такие общенародные русские слова как *внук, внучка, внуки, племянник, племянница, дядя, тетя* и т. д. Наряду с этим для обозначения аналогичных понятий широко распространены словосочетания *дэцки дэти, дачкина дачка, дачкин сын, сынóвьья дачка, сынóвььи сынавьья, дачкинó дэти, сынóвььи дэти, сястрин сын, сястрина дачка, сястринó дэти, брáтьин сын ~ брáтов сын, брáтьина дачка ~ брáтова дачка*¹ и т. д.

Норма русского словоупотребления для обозначения лиц по семейно-родственному признаку допускает словосочетания с одним из компонентов в форме родительного падежа — *сын сестры, дочь брата*. Лексически и стилистически ограничено в ненормированной речи употребляются словосочетания с притяжательным прилагательным — *сестрин сын, отцов брат, сестрины дети*. Исследователи отмечают в современной русской речи заметное преобладание описательных наименований *брат жены, сестра жены, брат мужа* вместо старых *шурин, свояченица, деверь* и т. д.² Однако выражения типа *сыновьи сыновья, дочкина*

¹ В примерах из говора мы сохраняем особенности местного произношения.

² Д. Н. Шмелев, О некоторых тенденциях развития современной русской лексики. — Развитие лексики современного русского языка, Москва 1965, стр. 9.

дочка, детские дети и др. не характерны для традиции русского словоупотребления.

Обозначения рассматриваемых понятий при помощи сложных слов или словосочетаний имеет место в эстонском и других языках народов Прибалтики. Ср. эст. *lapselapsed* 'внуки' (букв.: детские дети), *tütretütär* 'дочь дочери', *pojatütär* 'дочь сына', *vennapoeg* 'сын брата', *õetütär* 'дочь сестры'; нем. *Bruderstochter* 'дочь брата', *Schwestersohn* 'сын сестры'; латыш. *brāļa meita* 'дочь брата', *dēla dēls* 'сын сына' и т. д.

Распространение аналогичных словосочетаний в русском говоре Эстонской ССР, видимо, надо отнести за счет влияния эстонского языка, так как именно с эстонским языком данный говор контактировал ближайшим образом в течение ряда столетий. В результате взаимодействия двух неродственных систем закономерны различного рода внесения в эти системы, в том числе и кальки. По своей природе интересующие нас выражения — это лексико-семантические кальки с эстонского языка: *vennalapsed* — *брáтьины дѣти*, *õelapsed* — *сястрины дѣти*, *õepoeg* — *сястрин сын*, *pojapoeg* — *сынóвья сынавья*, *vennapoeg* — *брáтьин сын*, *tütrepõeg* — *дачкин сын*, *tütrelapsed* — *дачкины дѣти*, *pojatütär* — *сынóвья дачкá* и т. д.

Названные новообразования представляют собой синонимы к имеющимся в говоре исконно русским словам *внук*, *внучка*, *племянник* и т. п. Как отмечают исследователи, для лексико-семантической системы современных говоров характерно развитие синонимичных рядов, возникающих в результате взаимодействия различных диалектных групп.³ Развитие синонимических отношений в указанном кругу лексики нашего говора возникло на основе различий семантических оттенков в соответствующих лексических единицах эстонского и русского языков. Традиционные русские слова имеют более общие значения, чем эстонские соответствия. В семантике слова *внуки* не содержится указания на то, чьи это дети — сына или дочери. Для эстонского языка характерна бóльшая детализация понятий и их словесных выражений. Например, наряду со словом *lapselaps* 'внук' употребляются синонимы с уточняющим значением: *tütrelaps* 'ребенок дочери', *pojalaps* 'ребенок сына' и *tütrepõeg* 'сын дочери'; *внучка* — *pojatütär* 'дочь сына' и *tütretütär* 'дочь дочери'. Одного слова с общим значением *племянники* нет в эстонском языке, но зато есть ряд слов, наиболее точно указывающих на отношение к родственному лицу, например: *õelapsed* 'дети сестры', *vennalapsed* 'дети брата', *õetütär* 'дочь сестры', *vennatütär* 'дочь брата', *õepoeg* 'сын сестры', *vennapoeg* 'сын брата'.

Видимо, первыми в русском говоре появились именно такие кальки, которые отличались от русских параллелей особым, уточняющим оттенком значения. Это свойство вызвало потребность в их употреблении и способствовало закреплению их в лексико-семантической системе говора. Новообразование *децки дети* является дублетом слова *внуки* и, надо полагать, возникло позднее по аналогии к уже имеющейся модели. При столкновении родственных диалектов, как правило, в первую очередь порождаются дублеты, которые затем могут переходить в синонимы.⁴ Сохранение же в говоре единственного наименования *децки*

³ Л. И. Баранникова, К вопросу о диалектной синонимии. — Вопросы стилистики, Саратов 1962, стр. 101; ее же, О некоторых особенностях взаимодействия разнотемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах. — Вопросы языкознания, Ленинград 1963, стр. 391—393; Русская диалектология, Москва 1965, стр. 202.

⁴ Л. И. Баранникова, К вопросу о диалектной синонимии, стр. 102.

дети в качестве дублета едва ли позволяет отнести его к наиболее ранним образованиям по сравнению с кальками синонимического характера — *сынóвьи сынавья, дачкинѣ сынавья* и др. Как известно, древнерусский язык располагал развитой терминологией для обозначения понятий родства, куда входили и слова с уточняющим оттенком в семантике. Ср. *стрый* 'дядя по отцу', *уй* 'дядя по матери'.⁵ Однако рост терминологии родства в данном говоре, по всей вероятности, — явление более позднее. Это подтверждается тем фактом, что реликтовые лексические единицы с уточняющим значением типа *стрый, уй* в говоре не встречаются. С другой стороны, образования типа *сынóвьи сыновья, дочкина дочка* не зафиксированы исследователями древнерусского языка.

Как мы уже отмечали, по своей семантике рассматриваемые словосочетания ближайшим образом соотносятся с понятиями эстонского языка. В морфологическом отношении эстонские и русские соответствия имеют определенные различия, составляющие своеобразие данных калек. В эстонском языке мы имеем дело со сложными словами, первая часть которых выражена родительным падежом (*omastav*) имени существительного (*õe-, venna-, tütre-, poja-*). В русском говоре этой части эстонского сложного слова соответствуют притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин-, -јин (братьин)*⁶, *-ов-, -овј-* и в единичном образовании *-ск-* (*детские*).⁷ Вторая часть эстонского сложного слова и русского словосочетания морфологически соответствуют.

Из истории русского языка известно, что с древнейших времен идет ослабление, общее угасание прилагательных с суффиксами *-ин-, -ов-* и их постепенное вытеснение родительным беспредложным. В конце XVIII — начале XIX в. этот тип прилагательных был особенно продуктивен.⁸ Возможно, новые понятия стали проникать из эстонского языка в русский говор именно в этот период. В дальнейшем, как мы знаем, происходит закрепление модели образования прилагательных на *-ин-, -ов-* лишь в народном языке для обозначения семейно-родственных отношений.⁹ Этот морфологический образец в нашем говоре распространился на данный круг новообразований и за счет расширения сферы действия стал более продуктивным по сравнению не только с литературным языком, но и с другими русскими говорами. Можно полагать, что на первых порах это были окказиональные образования по особо продуктивной словообразовательной модели. Но степень окказиональности не могла быть высокой, поскольку в диалектном языке для обозначения лиц по родственному признаку имелись словосочетания типа *сестрин сын, братова жена*. Таким образом, проникновение лексико-семантических единиц неродственного языка было поддержано языковой системой самого говора. Как всякие окказиональные образования, названные выражения относились к фактам речи.¹⁰ Однако в настоящее время морфологические и семантические связи с когда-то продуктивными моделями в русском языке, оживление за счет их соответ-

⁵ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, Москва 1952, стр. 281.

⁶ *-ј-* в данном суффиксе появляется в результате переразложения основы.

⁷ В местном приобщении — *децки* с характерной для говора усеченной формой прилагательного.

⁸ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века, Москва 1964, стр. 284—285.

⁹ Там же, стр. 291, 294, 333.

¹⁰ Э. Ханпира, Об окказиональном слове и окказиональсмм словообразовании. — Развитие словообразования современного русского языка, Москва 1966, стр. 156, 159.

ствующих словообразовательных элементов, роль функционально равноправных синонимов к традиционным общерусским словам — все это с некоторыми оговорками позволяет рассматривать данные образования как факты языка, развившиеся в результате столкновения двух неродственных систем. Упомянутое явление наблюдается и в других русских говорах Эстонской ССР.¹¹

Вопросы влияния финно-угорских языков на русский были объектом изучения многих исследователей.¹² Тем не менее проблемы, связанные с этим вопросом, далеки от разрешения и требуют всестороннего освещения.

VEERA MURKHEIN (Tallinn)

“CHILDREN'S CHILDREN...”

In one of the Russian dialects spoken in the Estonian S.S.R., there are two parallel forms of synonyms that are used to express blood- and family-relationships: the traditional *внуки, внук, внучка, племянник, племянница* and the newly derived words: *сынóвьи сынавья́* (literally) 'son's sons; *дачкина́ дачка́* 'daughter's daughter'; *дэцки дэти* 'children's children'; *сестрин сын* 'sister's son', etc. The author of this paper regards these collocations as peculiar word combinations built on the pattern of the Estonian, and their penetration into the Russian dialect has been due to the semantics of these words, namely that these parallel forms are, strictly speaking, not true synonyms. The Russian word *внук* expresses a more general notion than the Estonian *pojapoeg* 'son's son', *tütrepoeg* 'daughter's son'. The same can be said of the Russian *племянник* and the Estonian *depoeg* 'sister's son', and *vennapoeg* 'brother's son', etc. The morphological structure of these new derivatives follows the system of word-building devices of an earlier period in the development of the Russian language. The present-day non-productive suffixes *-ин-, -ов-* have been used as live suffixes in the building of these words in the given dialect. The development of these parallelisms in the dialect under consideration can be explained by the direct contact of two linguistic systems.

¹¹ Из устных сообщений исследователей Т. Ф. Мурниковой (говор острова Пийрсаар) и Х. Хейтер (говор Ийзаку).

¹² М. П. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890; Я. К. Грот, Областные великорусские слова финского происхождения. — Филологические разыскания I, Санкт-Петербург 1876; T. Itkonen, Lappische Lehnwörter im Russischen. — Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia, ser. B, t. XXVII, Helsinki 1932; J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, Helsingfors 1915; его же, Syrjänisches lehnngut im russischen. — FUF XVIII 1927; Б. Кальман, Русские заимствования из объ-угорских языков. — ALHing. I 1952; И. В. Сало, Влияние прибалтийско-финских языков на северновеликорусские говоры поморов Карелии. Канд. дисс., Москва 1966; Л. А. Ивашко, Заимствованные слова в печорских говорах. — Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, Ленинград 1958, стр. 84—104; M. Must, Vene-eesti suhete kajastumine lõuna-eesti murrete sõnavaras, Tallinn 1954 (Канд. дисс.); ее же, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis. — Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, Tallinn 1965, стр. 107—124; W. Veenker, Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Uralic and Altaic Series 82, Bloomington—The Hague 1967 и др.